

Арсением, вместе с ее предисловием, переадресовав в последнем обращении к Арсению на имя Бориса.²⁶ Однако источником борисовской «Повести о Михаиле» была не отдельная арсениевская «Повесть о Михаиле», а летописный свод Арсения, в который входили и эта «Повесть о Михаиле» и «Повесть о Плаве». Наличие в «Повести», заказанной Борисом, фразы о злоумышлениях дьявола (измененной и примененной в совсем другой связи) — это результат чтения ее составителем всего свода Арсения.

Итак, «Повесть о Плаве» восходит к своду епископа Арсения, окончательное редактирование которого было сделано уже после смерти Арсения, не ранее 1409 г. и не позднее 1413 г.²⁷ Писаться же летописная «Повесть о Плаве» могла не ранее 1408 г., поскольку последние события, упоминаемые в известиях, объединенных общей мыслью с «Повестью о Плаве», приходится на январь и весну 1408 г.²⁸ и не позднее 1409 г., поскольку в «Повести» составитель обращается к Арсению как к живому: «да зри от сих» и т. п., а умер он 2 марта 1409 г.

Этот вывод подтверждает указание Я. С. Лурье о компилятивности второй части Тв. сб. Ее компилятор под 1402 г. внес «Повесть о Михаиле» из свода Бориса Александровича, известия 1408 г. он взял вместе с «Повестью о Плаве» прямо из свода Арсения. И так появилась в Тв. сб. во второй раз фраза о злоумышлениях дьявола, но уже в своем первоначальном виде и контексте. Известия 1441 г. и 1446—1447 гг., о которых шла речь у Я. С. Лурье, составитель взял из какого-то третьего тверского свода, враждебного Борису. Все эти памятники и известия брались им не через посредство «Летописца княжения Тферскаго», а непосредственно из этих сводов. Только компилятору второй части Тв. сб., работавшему, согласно выводу А. Н. Насонова, уже в самом конце XV в., могли быть безразличны те разнообразные политические тенденции, которые отличали друг от друга эти своды и которые были гораздо важнее для человека середины XV в. (например, отношение к самому Борису Александровичу).²⁹

²⁶ Имя Арсения было здесь заменено на имя заказчика новой редакции «Повести о Михаиле». Аналогичное явление наблюдаем и с «Повестью о Плаве». В изводе Тв. сб. Забелинского и Погодинского списков читаем вместо имени Арсения имя Варлаама, очевидно, заказывавшего тот список Тв. сб., при списании которого и возник этот извод. Забелинский список сохранил след обращения к Арсению больший, нежели более поздний, Погодинский список: «отне отче» (Заб. сп., л. 193). Это тот же «отче отцем» Предисловия арсениевской «Повести о Михаиле» из Н4Л. Варлаам, очевидно, не имел никакого отношения ни к «Повести о Плаве», ни к истории Тв. сб. до момента разделения его списков на два извода, так как его имени нет в Толстовском списке. Составитель того извода Тв. сб., к которому относится Толстовский список, заменил имя Арсения иначе: «Да зри от сих кождо православный христианине», а также: «ты же зри, христоименный народе» вместо «о боголюбивая главо» (Толстовский список, л. 400 об). Разнообразие замен имени Арсения при сохранении одних и тех же следов обращения именно к епископу в двух разных памятниках может только подтверждать истинную принадлежность их к одному своду Арсения.

²⁷ А. А. Шахматов считал, что свод Арсения был составлен в 1409—1410 гг. (Разбор. . . , стр. 215). А. Н. Насонов полагает, что он кончался 1409 г., но «получил окончательную редакцию после его (Арсения, — Б. Д.) смерти» (Летописные памятники. . . , стр. 762, см. также стр. 756—757, 760—762). М. Д. Приселков относил окончательное редактирование свода к 1413 г. и считал, что он кончался 1412 г. (История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, стр. 114—115, 141).

²⁸ Прибытие Юрия из Орды с требованием Кашина и 10 волостей В. С. Борзакowskiй на основании сопоставления Тв. сб. с Никоновской летописью относит к январю 1408 г. (История Тверского княжества, СПб., 1876, стр. 267). Битву пронского князя с рязанским А. Е. Пресняков на том же основании относит к июню 1408 г. (Образование Великорусского государства. Пгр., 1918, стр. 249—250).

²⁹ Остается нерассмотренным только один аргумент в пользу существования «Летописца княжения Тферскаго» из пяти выдвинутых А. Н. Насоновым (ср. ИОРЛ, т. XIII, стр. 157).